ние обвинений против Шмита, ибо тогда речь шла, судя по свидетельству Давида, об обучении латыни сыновей бояр, теперь же вообще о малых детях. Поэтому мы полагаем, что у Давида и у Тихавского в школе могли бывать и русские дети, как они бывали, например, среди учеников их преемников по миссии, Лефлера и Яроша — моравских священников, работавших в Москве в 1692—1698 годы.

К сожалению, об иезуитской школе до 1698 года у нас сведения вообще крайне ограничены, бесспорно только, что миссионеры придавали ей важное значение и что и в Вене, и в Риме возлагали на них в этом деле серьезные обязанности.[12] А что миссионерам была ясна возможная роль школы в создании благоприятных условий для католического влияния в русской среде, в этом нет никакого сомнения. Недаром виднейший представитель католической общины в Москве генерал Патрик Гордон подчеркивал, что дело поддержания и распространения католичества в Москве определялось обучением и воспитанием юношества.[13] И недаром в 1698 году в Риме А. Курбатов, хорошо знавший московскую среду и развивавший перед папой Иннокентием XII план упрочения позиций иезуитов в Москве, брал на себя труд ввести иезуитов в дома московских князей и бояр («principum») под видом учителей и пропагандистов латинского языка.[14]

Нужно отметить, что в 90-е годы XVII века, в период, когда католическая миссия в России была представлена не иезуитами, а моравскими священниками из белого духовенства, в Москве имелся и специальный учитель (он же органист, Cantor); это был некий Иоанн Иосиф Финалис (Joannes Josephus Finalis). По его собственному свидетельству от 1701 года, он был привезен в Москву 17 августа 1692 года венским интернунцием Куртцом. По просьбе московской католической общины он обучал в Москве юношество и работал как органист и певец, за что получал, согласно обещанию, 50 рублей в год или 80—100 флоринов. Это продолжалось, по словам Финалиса, до 1700 года, когда существенно изменились общие условия жизни католической общины в Москве. Она значительно уменьшилась в своем составе, одни ее члены («principales») умерли, другие погибли или попали в плен под Нарвой и т. д. Оставшаяся община не имела средств на содержание этого «прецептора», да и дела для него оказывалось уж очень мало («non video quid mihi faciendum sit aut quomodo vivendum in terra aliena», т. е. «не вижу, что я мог бы делать и как мог бы жить в чужой стране»). В письме от 16 января 1701 года Финалис просил венские власти о предоставлении ему средств на возвращение с семейством домой или же для жизни в России.[15] Не знаем, долго ли еще оставался в Москве Финалис. Во всяком случае ясно, что в течение ряда лет, начиная с 1692 года, он работал и в католической школе в Москве. Были ли среди его учеников и русские дети — сказать нельзя. По догадке одного из чешских исследователей, Финалис едва ли не был по происхождению чехом, латинская фамилия которого могла явиться переводом его чешского имени Конечный.[16] Известно только, что он не знал весьма нужного для работы среди московских католиков немецкого языка, и поэтому один из главных руководителей католической колонии Патрик Гордон старался подыскать более подходящего учителя.[17]

---

[12] A. Florovský. Češti jesuité na Rusi, s. 272—273.

[13] P. Gordon. Tagebuch..., Bd. III, Moskau, 1852, s. 326.

[14] Е. Ф. Шмурло. Сборник документов, относящихся к истории царствования имп. Петра Великого, т. I. Юрьев, 1903, стр. 361.

[15] Письмо имперскому референдарию Лузону де Тольберг. Венский Государственный Архив. Россика, св. F. 8[1], 1701, лл. 1—2.

[16] K. Kysely. Dva moravští kněži v Moskvě v XVII stoleti. «Apoštolat sv. Cyrilla a Metoda», ročník XXX, 1939, nom. 7—8, s. 221, прим. 9.

[17] A. Florovský. Češti jesuité na Rusi, s. 272.